

Валентина Эйкорн

Тигровый
глаз

Валентина Эйкорт Тигровый глаз

<https://litres.ru/74617019>

SelfPub; 2026

Аннотация

Волшебная история с философским контекстом. Как неожиданно полученные сверхъестественные способности могут изменить жизнь человека.

Валентина Эйкорт

Тигровый глаз

Зловонная ручная кладь. Её запрещается провозить в метро. Какое образное, своеобразное, несочетаемое сочетание слов. Нет, она вовсе не собиралась этого делать, просто интересно, кому и как пришла в голову такая формулировка. Также любопытно, кто и с какой целью додумался располагать надписи «Опасно! Не подходите к краю платформы» чётко напротив стыка между вагонами приходящих поездов. Так что если хотите оказаться аккуратно перед дверьми вагона, не вставляйте напротив этих надписей, вставляйте в полуметре, там, где заметите на платформе светлые промежутки, протёртые подошвами входящих и выходящих пассажиров.

Садовая. Какого ж черта в Петербурге такое неудобное метро! То ли воды грунтовые, то ли проектировщики херовые. На Сенной ещё этот длиннющий, бесконечный переход с лестницами, эскалаторами, спусками, подъемами. И как бабки с тележками всегда оказываются впереди?

Будьте бдительны и предупредительны. Отличный, жизненный совет. В метро работал не иначе как поэт.

И почему, зачем в метро такие тяжёлые двери, почему они открываются с таким трудом?

И что за сучья в Петербурге погода? Особенно в ноябре? Как ветер может дуть одновременно со всех четырёх сторон?

Да что там стороны, как может дуть ветер снизу, сверху? И что это за пакость летит в лицо? Это дождь? Снег? Град? Всё вместе? Ещё скамейки. Почему в центре города нет скамеек? Даже в парках их кот наплакал, а на улицах нет вовсе. Хоть на поребрик садись или парапет. Да, на гранитных парапетах набережных в Петербурге действительно сидеть удобно, только если это, само собою, не ноябрь. Поэтому, если вы устали как собака, будьте любезны шагать до ближайшего парка или сада, благо в центре они кое-где встречаются, и надеяться на удачу обнаружить свободное местечко на тех несчастных трёх-четырёх скамейках, что там есть.

Варвара шла, уставшая и злая, по Садовой, мимо зашкварного Апраксина двора, его низеньких, как будто игрушечных арок. Все ранние постройки в Петербурге создают впечатление, что здесь жили гномы или лилипуты, и это неприятное впечатление, от которого хочется отряхнуться. Красив ли Петербург? Местами. Но у этого города осунувшееся лицо. В нём нет страсти. Никогда не было. Он родился с серьёзной миной на лице. Любила ли она его? Конечно. Петербург нельзя не любить, если ты в нём родился, если вырос в лабиринте его петроградских дворов. Но, живя в нём, никогда нельзя понять, взаимна ли твоя любовь, какое к тебе чувство скрывается за этим каменным выражением пыльных фасадов.

Гостиный двор тоже лилипутский, но не настолько, как Апраксин. В него-то, точнее, в пышечную, которая в нём

располагалась, Варвара и шла. Её там ждала Исидора Фёдоровна. Должна была ждать, они же договорились.

Исидора Фёдоровна, профессор Петербургского университета, филолог в третьем колене, с пучком седых волос на макушке и увесистыми янтарными серьгами в отвисших мочках мясистых волосатых ушей, доедала четвёртую пышку и сетовала на то, что в заведениях общепита больше нельзя курить. В университете она до последнего отстаивала своё право курить в аудитории во время лекции, но времена не пощадили даже такого заслуженного преподавателя. Пришлось уйти на покой и за определённую мзду спасать наиболее щедрых студентов от обезвоживания мозга в процессе высасывания из пальца диплома или курсовой. Да, эмотивная лексика в сопоставительном аспекте — это не то, чему Варвара хотела бы посвятить багряную осень, поэтому сегодня она и пришла в пышечную на Садовой, хотя и не любила пышки никогда.

— Полагаю, пересечение семантических полей этих глаголов стоит рассмотреть отдельно.

— Да, так будет, очевидно, лучше.

— Ну что ж, основные вопросы мы, вроде бы, все обсудили. На этом, думаю, можем с вами на время расстаться. Я свяжусь с вами через неделю, обсудим следующий этап, — резюмировала Исидора Фёдоровна.

— Отлично, спасибо вам большое, Исидора Фёдоровна, — поблагодарила Варвара.

— Всегда рада помочь, — сказала неправду Исидора Фёдоровна.

Варвара очень не хотела доедать последнюю пышку, но оставлять было как-то неудобно, и она ждала, чтобы Исидора Фёдоровна ушла первой. Но Исидора Фёдоровна не спешила уходить. Она сидела и задумчивым, рассеянным взглядом смотрела именно на эту пышку. Может, она хочет её доесть? Но предложить как-то уж совсем неловко. Так, молча и нелепо, они посидели ещё несколько минут. Взгляд Исидоры Фёдоровны при этом претерпевал странные метаморфозы, становясь то пристальным, то испуганным, то безразличным. Да что там такого она увидела в этой проклятой пышке? Очевидно, дело было не в пышке, её взгляд отражал какой-то напряжённый мыслительный процесс.

— А знаете, мне в голову пришла отличная мысль, — вдруг произнесла Исидора Фёдоровна, не отрывая взгляд от пышки, — у меня дома есть превосходная монография, которую можно использовать в качестве справочного материала.

— Не сомневаюсь.

— Я хотела бы вам её показать.

— О, это лишнее. Я вам полностью доверяю.

— Нет-нет, вы не понимаете, это очень важно, я буквально настаиваю.

Действительно очень странно. И не вовремя. Зачем ей какая-то монография? Какая ей разница, что в ней написано.

Она же платит не за то, чтобы самой читать какие-то монографии. Но отказываться, вроде бы, неприлично. Ладно, придётся, видимо, сходить, и по возможности побыстрее с ней расстаться.

— Хорошо, только у меня очень мало времени.

— Не беспокойтесь, я Вас не задержу надолго, я живу здесь рядом.

Жила она действительно совсем рядом, на Гороховой, в обшарпанном, некогда доходном доме. Квартира, что для центра по-прежнему неудивительно, была коммунальная. Исиidora Фёдоровна занимала угловую комнату в конце длинного, мрачного, облупленного, заваленного хламом коридора. Пол комнаты, большой, но почти до отказа заставленной антикварными комодами, горками, трюмо, ширмами, креслами, был устлан газетами. Серьёзно? Ходить по газетам, только чтобы не мыть полы? Все остальные поверхности: столы, этажерки, кушетки, были завалены книгами. Стоял стойкий запах табака, которым здесь пропахла каждая мелочь.

— Присаживайтесь, я заварю чай.

— О нет, спасибо, я действительно очень тороплюсь.

— Да-да, конечно, я только схожу на кухню за сигаретами,

— Вы курите прямо здесь, в комнате?

— Я курю везде.

— И соседи не возражают?

— Нет, они у меня послушные.

Послушные? Глупость какая-то. Ох, как бы поскорее отсюда уйти. Исидора Фёдоровна вышла за дверь и Варвара осталась в этом вонючем антикварном магазине одна. Очень хотелось его покинуть, выйти на свежий воздух. Прошла минута, две, три. И вдруг — какого чёрта?! — в замочной скважине с той стороны повернули ключ. Один раз, два, три. Варвара подбежала к двери, дёрнула ручку, начала стучать.

— Эй, что происходит? Кто меня закрыл? Выпустите меня! Откройте дверь!

Она стучала и кричала, но с той стороны к дверям никто не подходил.

Варваре стало очень не по себе. Это какой-то сущий бред. Она подошла к комоду, открыла ящики и стала искать что-нибудь, чем можно взломать замок или раскурочить дверь. Но везде были только книги: в шкафах, на полках, в ящиках трюмо. Старые, потрёпанные, пожелтевшие, маленькие и большие, тонкие и толстые. В отчаянии Варвара подошла к окну. Шестой этаж, двор-колодец, окно, последнее, выходило на глухую стену. Чёрт возьми, что делать то. Она снова подошла к двери и стала дубасить в неё кулаками:

— Откройте! Выпустите меня отсюда!

— Закрой рот! — вдруг послышался грубый мужской голос.

— Эй, кто там? Помогите мне! Меня тут заперли! Откройте!

— Кончай орать! — рявкнул неизвестный за дверью и, судя по шагам, ушёл.

Варвара опустилась на пол, на газеты. Что, что ей делать? Она машинально посмотрела на газету рядом с собой. «Новая Русь», 1910 год, похороны Михаила Врубеля. Лицо гения, обретшего покой. Далее реклама папирос, полет аэроплана. Объявления. Спиритические сеансы, вызов духов предков, родных, близких, писателей, философов, политических деятелей. Медиум, профессор психизма Фёдор Измайлович Распутин. Гороховая улица, 32. Варвара перечитала объявление несколько раз. В горле от волнения пересохло. Она дочь медиума? Она ведьма? Только теперь Варвара обратила внимание на блюдо и свечу среди книжных стопок на столе. Как выбраться отсюда? Как?

В этот момент снова раздался звук ключа в замке. Раз, два, три. Варвара бросилась к двери. На пороге стояла Иси́дора Фёдоровна с недоуменным, изумлённым и вместе с тем растерянным выражением лица.

— Зачем вы меня заперли?!

Исидора Фёдоровна молчала, как будто пытаясь что-то найти и собрать в голове.

— Погодите... я... вы... Господи! Милочка, простите меня ради бога! Вот старость не радость. Я пошла на кухню и забыла про вас! Ох, как мне неловко. У меня кончились сигареты, и я пошла в табачную лавку. А про вас-то я забыла!

Варвара не верила своим ушам. Как это забыла?! Старая маразматичка! Она тут чуть кони не двинула от паники и страха, а эта выжившая из ума старуха за сигаретами гуляла. Можно себе представить, что она, с такими прокуренными склеротичными мозгами, напишет ей в дипломе!

— Ну знаете ли...

— Простите меня, пожалуйста, мне так перед вами неудобно.

— Да, хорошо, до свидания, мне очень нужно идти.

Когда Варвара была уже в коридоре, Исидора Федоровна её окликнула:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.